

Криминальный роман:
любовь и преступление

Галина Романова

НЕПЛОХО
ДЛЯ ПОКОЙНИКА

Москва

УДК 821.161-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Редактор серии *Е. Ирмеш*
Оформление серии *Н. Ярусовой*
Дизайн обложки *Н. Каитыкиной*

Романова, Галина Владимировна.

Р69 Неплохо для покойника : [роман] / Галина Романова. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-213135-6

У судьи Анны Грачевой погибает муж — машина взлетела на воздух. Единственного подозреваемого она вынуждена освободить, ведь улик против него нет. Неужели союзником судьи станет местный авторитет Хлыст, младший брат которого погиб при таких же обстоятельствах? Хлыст убежден, что в гибели обоих виновен один и тот же человек. Но может ли защитница закона объединиться с преступником — даже если закон перестал защищать ее саму?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-213135-6

© Романова Г.В., 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»,
2025

Я внимательно наблюдала за ублюдком, сидящим на скамье подсудимых, и желание задушить его собственными руками с каждой минутой становилось все сильнее.

— Вы по-прежнему отрицаете свою причастность к происшедшему? — прозвучал мой голос под сводами зала заседаний.

— Абсолютно, — мотнул головой подсудимый. — В тот момент, когда этот парень горел в своем автомобиле, я был дома... Я спал...

— Понятно... Кто может это подтвердить? — как можно спокойнее спросила я, прикрыв горящие ненавистью глаза. — Как видно из материалов следствия, подтвердить ваше алиби никто не может...

— Я спал! — упрямо повторил он. — А когда люди спят, то в свидетели редко кого приглашают.

«Сволочь! — едва не заскрипела я зубами. — Он же издевается надо мной!»

Понимая, что если произнесу хоть одно лишнее слово, то выдам себя с головой, поэтому несколько минут я молчала, напряженно размышляя, потом поднялась и произнесла сакральную фразу:

— Суд удаляется на совещание.

А спустя два часа после изнурительных метаний по тесному кабинету данной мне государством властью я освободила эту сволочь из-под стражи прямо в зале суда.

Гул возмущенных голосов, поднявшийся после вынесения приговора, заставил мои уши и щеки покрыться краской стыда, но повернуть время вспять уже было невозможно.

Я его освободила!..

ШАБА 1

Трещина на потолке, казалось, разрасталась.

Битых сорок восемь часов я лежала на широченной кровати в нашей с Тимуром спальне и пялилась на треснувший потолок.

Сколько сил вложили мы в эту старенькую квартирку, чтобы придать ей жилой вид! С каким удовольствием мы вместе выбирали обои в местном магазинчике, дурачась и хвастаясь друг перед другом своим умением наклеивать их на стены! И как потом хохотали, проснувшись утром и обнаружив плоды трудов своих отвалившимися от стен и свернувшимися серпантинном у наших ног.

— Все, малыш! Хватит! — шевельнул тогда усами Тимур. — Это не наша с тобой стезя. Пусть этим делом занимаются специалисты.

— А что будем делать мы? — выдохнула я, с обожанием таращась на мужа.

— А мы... — он нежно поцеловал меня в висок. — А мы уедем на край света!..

Краем света оказалась крохотная охотничья сторожка в глухой тайге, где любил проводить школьные каникулы мой муж.

Вековые кедры, спустившись по склонам крутого оврага, обступили ее со всех сторон, надежно спрятав под своими кронами. Маленькая речушка, берущая начало из-под огромного валуна на самом дне оврага, оглашала окрестности многоголосым серебряным перезвоном. И этот звук был, наверное, единственным, нарушающим тишину и безмолвие этого сурового на первый взгляд края.

Мне понравилось это место, едва я его увидела. Стоя на ступеньках крыльца маленькой уютной избушки, я могла без усталости наблюдать, как просыпается солнце, возвещая о рождении нового дня.

— Чего тебе не спится? — выходил на крыльцо Тимур, сонно моргая глазами. — Рано еще!

— Тимочка! — едва не задыхалась я от восторга. — Ты посмотри! Это же просто чудо! Кромка леса загорается багряным, а затем тускнеет, тускнеет и вдруг зажигается золотом!..

— Малышка моя! — с нежностью выдыхал мой супруг. — Тебе бы стихи писать, а не заниматься судебными разбирательствами...

— Это тоже нужное дело, — возражала я, безропотно подчиняясь сильному рукам Тимура. — Кто-то должен заниматься и этим!

Наши безобидные препирательства обычно заканчивались, не успев достигнуть апогея.

Вообще, по правде сказать, за нашу с ним недолгую совместную жизнь, а она насчитывала ни много ни мало — два года, я не помню ни одной мало-мальски серьезной ссоры. Единственное, что отравляло мне существование, так это то, что он до сих пор не спешил оформлять наши с ним отношения.

— Это простая формальность, малыш! — смеялся он, щекоча мне усами шею. — Ни один штамп в паспорте не заставит меня полюбить или разлюбить кого-то... Ты моя жена перед богом, а остальное все неважно.

Со временем я свыклась с этим и иначе как супругом его не величала. Жизнь текла, стирая шероховатости в наших отношениях и наполняя великим счастьем обладания друг другом. А эти три недели, проведенные вдали от цивилизации, были, наверное, самыми счастливыми за все то время, что мы были вместе.

Просьпаясь ближе к полудню после испепеляющего любовного марафона, мы брели к ручью, набирали воды и там же готовили нехитрую трапезу. Тимур мог при этом, вооружившись удочкой, напевать во все горло какие-то песни на странном непонятном языке.

— Ты всю рыбу распугаешь! — хохотала я, склонившись к котелку с супом.

— Так пугать-то некого! — делал он дурашливую физиономию. — Ее тут и нет!

Как ни странно, но рыба ловилась. Мы ее варили, жарили, даже ухитрились засолить на таранку. Но есть ее нам не пришлось, она так и осталась подвешенной к потолку на длинном капроновом шнуре.

* * *

— Анька! — раздалось под самыми моими окнами. — Ты дома?

Так могла орать, распугивая всех дворовых кошек и кур, только моя подруга Тонька. Ей плевать было на то, что сейчас половина седьмого утра и многие люди в этот час могут еще спать. Ей нужна была я, а все остальное было неважно!

— Анька! — уже более требовательно заголосила Антонина. — Выгляни наконец!

Отвлечшись от трещины в потолке, созерцанием которой я занималась вторые сутки подряд, я поднялась с кровати и, с трудом переставляя ноги, выглянула с балкона.

— Чего орешь? — недобро уставилась я на подругу. — Времени знаешь сколько?

— Ты дома... — пропустив мимо ушей мои слова, констатировала Антонина и величаво прошествовала к подъезду.

Удивительное сочетание противоречий объединяла в себе эта женщина. Со статью и походкой герцогини, никак не меньше, она могла скандалить и голосить, словно простая базарная баба. Осанка ее при этом оставалась такой же, поэтому

желание склониться перед нею в реверансе не исчезало в продолжение всей непечатной тирады. Вот и сейчас, едва она переступила порог моей квартирki, как принялась нецензурно ласкать меня, царственно вышагивая по маленькой гостиной.

— Капуста чертова! — клокотала она от праведного гнева. — Ты посмотри, в кого ты превратилась?

— В кого? — тупо переспросила я, положив всклокоченную голову на спинку дивана.

— В кого? — передразнила Тонька и грациозно опустилась рядом со мной, накрыв меня облаком дорогих духов. — Ты жить дальше собираешься или нет?

— Зачем? — не меня интонации, спросила я. — Для чего?

— Анька! — угрожающе произнесла подруга. — Если ты не прекратишь себя казнить, то я..

— Что ты?!

— Я не знаю, что с тобой сделаю!

И тут случилось удивительное — она заплакала!

Привыкнув к тому, что Тонька является образцом хладнокровия, невозмутимости и еще бог знает каких достоинств, определяющих ее уравновешенный характер, я растерялась.

— Тонь, ты чего? — ошалело захлопала я ресницами.

— Ничего, — хлюпнула та носом и вытатила из сумочки кружевной носовой платочек. —

А как бы ты, интересно, прореагировала, наблюдая за агонией своей самой любимой подруги?..

Тут и в моем носу защекотало, и мне ничего не оставалось делать, как уткнуться в ее плечо и зареветь. Я всхлипывала и причитала, не замечая, как похлопывает меня по спине Антонина, время от времени вставляя короткие фразы. Одна из них меня насторожила, и я, отстранившись, с недоумением переспросила:

— Что она сказала?

— Ничего путного, — попыталась уйти от ответа Тонька, но я была настойчива, и ей пришлось пуститься в объяснения. — Я проходила под ее окнами. Голову подняла, а она едва из окна не свешивается. «Шалава!» — орет. Я ее спрашиваю: «Кто?» Ну а она и давай верещать на всю округу. Что, ты ее не знаешь?

— Вот дура баба, — совершенно искренне изумилась я. — Сколько же времени прошло, а ей все угомону нет.

— Да, — с пониманием качнула подруга головой. — Люська еще тот экземпляр! Как я тебе говорила, привлеки ее к ответственности! Так ты — нет... Сами разберемся... Разобрались?

Следует пояснить, что Люська была бывшей тещей моего Тимура. С женой тот расстался просто и без долгих объяснений, а вот теща... Обвинив его, меня и еще бог знает кого в развале семьи, она начала с того, что принялась меня преследовать. Стараясь не обращать внимания на ее злобные выпады, я в глубине души лелеяла

надежду, что рано или поздно ей это надоест. Но, как показало время, она была неутомима.

— Что ты намерена делать? — прервала мои размышления Антонина.

— В каком плане?

— Во всех направлениях, дорогуша! Перво-наперво надо этой стерве рот закрыть, а второе...

— Что? — сразу насторожилась я.

— Тебе необходимо уехать...

— Тонь, ты в своем уме? — вытаращицалась я. — Не могу сейчас уехать!

— Именно сейчас ты и должна уехать! — невозмутимо заявила она и поднялась со своего места. — После всего, что произошло, другого выхода у тебя просто нет!

Она принялась величественно гарцевать по комнате, обрушивая на мою голову тысячу разных причин, по которым я не должна оставаться в городе. Она была так красноречива и неутомима в своих рассуждениях, что к концу ее речи я была готова на любое путешествие, лишь бы она замолчала.

— Куда я, по-твоему, должна уехать? — потерла я заломившие виски. — Где меня кто ждет?

— Езжай туда, где вы отдыхали с Тимуром, — обрадованно затараторила Тонька, увидев, что я сдаюсь. — Сама говорила, что место это никому не известно, туда зверь редко забегает, не то что человек...

— Ты считаешь это самым лучшим местом для реабилитации моей души? — скептически

скривила я губы. — Ничего интереснее не придумала?

Подруга сделала глубокомысленное лицо и, остановившись против того места, где я сидела, принялась меня воспитывать. Она говорила долго и пространно. Многие из ее речи мне было непонятно, единственное, что я уловила, так это то, что начать возрождаться я должна была именно в том самом месте, где когда-то была несказанно счастлива.

— Это будет больно, — прошептала я, уставив на Тоньку немигающий взор.

— Знаю, — решительно тряхнула она головой. — Но байку про хирурга и его методы ты знаешь, так что давай собирайся, а я поеду с тобой.

Вопреки ожидаемому, сборы заняли чуть больше времени. Антонина, развившая за неделю бурную деятельность, успела многое. Но даже ей было не под силу убедить Семена Алексеевича, председателя суда Левобережного района, дать мне расчет. Он был неумолим.

— Пусть берет отпуск без содержания, — как всегда, тихим голосом ответил он, разом отменяя все Тонькины аргументы. — К тому же, Антонина Ивановна, я думаю, что мне лучше поговорить с глазу на глаз с ней самой.

Этого я боялась больше всего. С тех самых пор, как был выпущен на свободу Алейников, по иронии судьбы носивший то же имя, что и мой муж, я больше не показывалась на работе.

Сначала я взяла больничный у невропатолога, затем у терапевта, потом следом отправилась к

окулисту. Продлевая больничные листы сколько это было возможно, я была движима единственной целью — быть подальше от людей. Когда же врачи, пряча глаза, поочередно заявляли, что здоровью моему ничто не угрожает, я просто перестала ходить на работу. Ложилась на кровать, обнимала подушку и часами пялилась на трещину в потолке.

Причудливым зигзагом пробежав от двери к люстре, та резко сворачивала и, разделившись на две одинаковой длины извилины, змейкой устремлялась в разные стороны. В результате такого замысловатого излома площадь потолка была поделена на три неравные части. Я считала это символичным, отождествляя этот раздел с моей поломанной жизнью.

Первую, самую большую часть, слабо освещаемую солнцем, я относила на жизненный участок пути до Тимура. Детство, отрочество, юность... Все было как у всех: родительский дом, институт, работа. Все это пролетело, как короткий миг, не успев оставить в памяти моей хоть какой-то значимой отметины.

Вторую, крохотную узкую полоску, все время находящуюся на свету, я представляла временем, когда была счастлива. А третья, постоянно пребывавшая в тени, должна была олицетворять мое будущее, потому что свет для меня померк именно в тот день и час, когда, вызвав меня к себе в кабинет, Семен Алексеевич сообщил мне о гибели моего мужа.

Я плохо помню, что произошло потом. Рваные клочья темноты замелькали перед остановившимися глазами. Рот в безмолвии открывался и закрывался, не в силах выдавить хоть что-нибудь. А сердце сжала жуткой силы тоска. Она давила непомерной тяжестью безвозвратной потери, заставляя отрешиться от всего, в чем раньше я находила радость. Я ходила, ела, пила, но это была уже не я, а моя высохшая от горя оболочка.

И тогда Антонина, единственный человек, с кем я тогда общалась, направила мои мысли и чувства в нужное русло, определив их одним коротким словом — месть!..

Жажда мщения с каждым днем становилась все острее. Я едва не на коленях умоляла Семёна Алексеевича отдать мне это дело, ссылаясь на то, что наши с Тимуром отношения не были зарегистрированы официально. Когда же он скрепя сердце согласился, я принялась со всей скрупулезностью изучать материалы, вникая во все мелочи, которые следователю показались незначительными. День за днем я репетировала сцену судебного процесса, ликуя от предвкушения. Но на деле все оказалось не так...

Вопреки ожидаемому, глаза подсудимого Алейникова Тимура Альбертовича не полыхали страхом. Более того, в них плескались откровенная насмешка и, как мне казалось тогда, чувство превосходства.

Я сжимала зубы, чтобы не зарычать от ненависти, внимательно вслушивалась в показания

свидетелей, но это ничего не изменило. И поступила так, как должна была поступить, — признала его невиновным.

— Хочешь, я отменю твое решение в силу мягкости приговора? — с жалостью вопрошал меня Семен Алексеевич. — Только скажи! Не надо было мне на это соглашаться! Сама же настаивала, а теперь мучаешься!

— Все в порядке... Вы не хуже меня знаете, что следственных материалов оказалось недостаточно для того, чтобы упрятать его за решетку, — глухо обронила я тогда и подняла на председателя суда посеревшее от переживаний лицо. — Мне необходимо отдохнуть...

— Хорошо, — он согласно кивнул. — Отдыхай, сколько считаешь нужным, а затем... Затем я жду тебя в наших рядах.

Семен Алексеевич встал и, проводив меня до двери, тихо произнес напоследок:

— Надо жить, девочка моя! Надо жить!..

А вот с этим-то у меня как раз и возникли проблемы, потому как жить мне совершенно не хотелось. Последней надежде — увидеть своего заклятого врага поверженным — не суждено было сбыться, а вместе с ней пропало и желание существовать...

Когда же Антонина, охваченная жаждой деятельности в процессе моих сборов, швырнула мне в лицо мой твидовый костюм и громогласно объявила, что я просто обязана съездить на работу и переговорить со своим боссом, то я растерялась.

— Зачем мне это, если я решила увольняться? Не пойду... — залопотала я, подтянув колени к подбородку.

— Пойдешь! — убежденно заявила она и потащила меня в ванную. — Ты обязана это сделать, хотя бы из уважения к нему! Он очень сильно рисковал своим добрым именем, позволив тебе судить этого подонка. И нянчился с тобой все это время как с ребенком, а ты!..

— А что я? — едва не плача вопрошала я, намыливая голову.

— Ведешь себя как неблагодарная свинья! — не церемонясь в выражениях, клеймила меня Тонька.

И она, как всегда, победила.

Спустя два часа я поднималась по лестнице, устланной вытертой ковровой дорожкой, прислушиваясь к отчаянному стуку своего сердца. Но вопреки предположениям, жалости в умных глазах Семена Алексеевича не обнаружила. Твердо, с прищуром посмотрев на меня, он слегка кивнул в знак приветствия и сделал мне знак присаживаться.

Я прошла к столу и, отодвинув тяжелый дубовый стул, уселась напротив председателя суда.

— Так, так, так, — пробормотал он, постукивая карандашиком по папке с документами. — Пришла, значит...

Я молча кивнула, но сочла за благо промолчать. Чувство вины перед этим седым человеком,

который так много сделал для меня в моем горе, потихоньку начало глодать меня.

— И что скажешь? — сурово свел он брови, впиваясь в меня взглядом. — За расчетом пришла? Или, может... за жалостью?

— Не-ет, — почти прошептала я, внезапно оробев. — Я... не знаю.

— Не знаю!.. — он в раздражении швырнул карандаш об стол и откинулся на спинку кресла. — Послушайте, уважаемая Анна Михайловна, что я вам скажу!.. Расчета я вам не дам — смолоду не привык кадрами разбрасываться. Жалости от меня тоже больше не дождешься, надоело мне с тобой нянчиться. А по поводу твоих прогулов вот что скажу: отработаете потом вдвойне! Поняла?

Я молча кивнула. Серьезность его тона не оставляла сомнений — мои выкрутасы ему порядком надоели. Как и подобает в данной ситуации, я понуро опустила плечи и лишь виновато время от времени кивала. Сказать, что мне было стыдно, значило бы ничего не сказать. Уши мои полыхали, норовя подпалить бумажного журавлика, которого подвесил на люстру внук Семена Алексеевича.

— А сейчас ты напишешь заявление на отпуск, — не меняя интонации, продолжал он между тем. — И через месяц примешь дело о хищениях на мукомольной фабрике. Все! Иди!..

Я встала, поправила юбку и, тихонько лопоча слова прощания, двинулась к выходу.

— Аннушка, — окликнул он меня, когда я уже была у самой двери. — Не слишком круто старик с тобой?

— Все нормально, Семен Алексеевич, — попыталась я улыбнуться. — Простите меня...

Он встал и, прихрамывая на левую ногу, пошел по направлению к выходу.

— Ты отдыхай, девочка... — взял он в руку мою ладонь и легонько сжал ее. — Время все лечит... И возвращайся такой, как была. Хорошо?

— Постараюсь, — с трудом проглотила я комок, вставший в горле.

— Идем, я тебя провожу.

Мы вышли с ним из кабинета и медленно двинулись по длинному коридору, изрезанному выемками дверей. Шеф взял меня под руку и тихонько, почти ласково, начал наставлять на путь истинный. Не скажу, что слова его достигали своей цели, но мне отчего-то стало полегче дышать. Был ли то причиной его мягкий голос, уговаривающий меня с легкой долей укоризны, или лица сотрудников, приветливо улыбающиеся мне, но из здания суда я вышла почти спокойной.

— Встреча с шефом пошла тебе на пользу, — удовлетворенно кивнула Антонина, перекидывая через мое плечо ремень безопасности. — Пристегнись, а то опять на штраф нарвемся.

— Куда сейчас? — оборвала я ее брюзжание. — Поесть бы чего-нибудь...

— А вот это совсем хорошо! — Подруга завела машину, и вскоре мы уже выезжали на про-